

рассказ

Тот, кто всегда возвращается

Сергей Челяев

*Птичка Божия не знает
ни заботы, ни труда...*

А. С. Пушкин

«ПТИЧЬИ» камни известны людям давно. Есть куриный бог, что приносит счастье, и вороний глаз – «око вселенной», способный помочь его обладателю заглянуть в будущее, отвести беду и даже смертельную опасность. Если «око» обработать, оно откроет людскому взору светящийся значок, ибо относится к глазковым кварцам, как и его камни-сородичи – сокол-фальк и хабит-ястреб. Оба имеют волнообразный отлив и открывают свои зрачки свету после полировки и шлифовки, причём световое пятно само движется при повороте камня, словно каменный глаз «подглядывает» за человеком. Многие верят, что это глаз самого Бога, посредством которого он наблюдает за людьми и оценивает их поступки.

Если же нагреть эти камни, они нальются красным цветом, словно желая походить на драгоценнейший из рубинов, имя которому «голубиная кровь». Согласно китайским и бирманским поверьям, идеальный камень этой породы цветом должен соответствовать каплям крови убитого голубя. Вот только нелегко подстрелить эту птицу, в особенности, если она – голубь секретной почтовой службы!

Падение

ВЕТЕР и ледяной снег разом ударили в грудь жёстким колючим крылом. Резкая боль, отчаянное стремление удержаться в небе и тревожный, предательский свист перьев – то, чего с ним не случалось никогда, будучи вытравлено месяцами изнурительных тренировок и специальным кормом. И, наконец, тщетная попытка уцепиться когтями за обледенелые ветви.

Недавнее потепление обернулось крепким ночным морозцем, и каждая ветка, каждый кривой сук были пленены в прозрачную твёрдую оболочку льда. Тирд*, подхваченный порывом ветра, ударился о сосну, скользнул бесчувственными крючками когтей по обледенелым сучьям и тяжело прянул вниз. К счастью, вожак Фирст в своё время прочно вдолбил Тирду в голову непреложную истину: если падаешь от болезни или усталости в зимнем лесу, постарайся угодить в сугроб и моли птичью удачу, чтобы он оказался поглубже. Так меньше риска переломать плечевые кости или большие маховые перья. Снег примет в свои рыхлые объятия, смягчит удар, остудит разгорячённое тело и закипающую в полёте кровь. А заодно и укроет от врага. Ибо что может заставить опуститься наземь в полёте сильного и опытного голубя почтовой фельдъегерской службы Её Величества, как не жестокий и коварный враг, от которого нет спасения в небе?

Тирд не знал, кто положил в его кормушку порченное зерно, чем отдавала

* Third (англ.) – третий.

вода в поилке и почему его отправили с письмом, не дав на отдых времени, определённого уставом Службы. Не знал он и откуда свалился на него с посеребрённых стужей небес хищный и коварный фальк – сокол, специально натренированный для ловли почтовых голубей. И надо же было случиться, чтобы этот фальк вывалился из-за туч как раз в тот миг, когда у Тирда вдруг стало темнеть в глазах и начали отказывать верные крылья! Впрочем, Тирду повезло: ледяная корка наста ещё не затвердела, и он не расшибся о её снежный панцирь, отлитый и высвищенный за ночь морозом. Перепуганный Тирд забился поглубже в снег и принялся всячески извиваться, ввинчиваясь подальше от места, где упал. Фирст рассказывал, что, к примеру, ястреб умеет примечать места падения куропаток – больших любительниц зарываться под снег – и попросту выволакивает их из лунок. Но силы уже окончательно покинули Тирда, и он застыл под снеговой периной, не чувствуя ни лап, ни крыльев, ни даже собственного дыхания. И в тот же миг с неба пал сокол.

Этого Тирд никак не ожидал. Соколы ловят добычу на лету, этот же опустился на снег и теперь ходил прямо над Тирдом, изредка притопывая тяжёлой когтистой лапой. Это могло означать лишь одно: противник Тирда пробовал ногами наст, одновременно пытаясь учуять голубя под снегом. Видимо, сугроб оказался слишком большим, и невидимый Тирду враг сейчас озадаченно выискивал, куда же делся этот дерзкий голубь. Тирд с запоздалым ужасом понял: он попался, потому что его противником был хабифальк, чудовищная смесь хабита – остроглазого лесного ястреба с резвокрылым соколом. Для их скоростных качеств в полёте избирались крупные кречеты; для мощи добавляли кровь горного беркута. Отсюда и огромные размеры злобной птицы, сочетавшей в себе лучшие качества этих пернатых хищников.

Сверху, над Тирдом и скрывающим его сугробом, сильно зашумели де-

ревья. Наконец хищник почуял голубя и мощно ударил лапой, взламывая наст и раскапывая снег. Тирд пулей вылетел из сугроба, откуда только силы взялись! Но, хотя птицы-курьеры Почтовой фельдъегерской Службы оснащены защитой в виде лёгких кованых шипов на лапках, против хабифалька они не стоили ничего. Сил взлететь у Тирда не осталось, а его враг уже взъерошил жёсткие перья на затылке, собираясь прыгнуть на беспомощного голубя, вонзить когти в спину и забить клювом.

Деревья тем временем зашумели вновь.

Вдруг за спиной хабифалька послышалось хриплое, но весьма решительное карканье. Бочком-бочком к хабифальку быстрыми прыжками приближался корвус – большой иссиня-чёрный лесной ворон. Хабифальк встопорщился, раскрыл клюв и яростно свистнул, вызывая соперника на бой. Лесные вороны-корвусы – сильные и решительные птицы. Однако Тирд никогда не слышал, чтобы пути Чёрного народа пересекались с кланом Ястребов и Соколиным племенем. Ворон же явно намеревался поспорить с хабифальком за лёгкую добычу, которой ему, конечно же, представлялся бедный Тирд. Затем хабифальк насторожился, повернул голову и негодующе крикнул: с другого края поляны приближался ещё один ворон. Поперёк крыльев у того тянулись переливы серых полос, точно седина на висках умудрённого опытом мужчины. Вороны, очевидно, были заодно: они бесстрашно скакали к хабифальку, собираясь отобрать обессилевшую добычу. Разбойный нрав корвусов был известен Тирду, и от результатов этой схватки он не ждал ничего хорошего.

Вороны налетели на хищника, словно волки на медведя, увёртываясь от острых когтей и норовя рвануть противника клювом. Клюв у ворона крепче камня, дробит и лошадиную, и человеческую кость, поэтому хабифальку приходилось несладко. Вороны действовали на удивление ловко и слаженно, Тирд же без сил лежал на боку, всё глубже

погружаясь в снег – ноги больше не держали почтового гонца, и вдобавок он совсем не чувствовал крыльев.

Внезапно хищник замер, вытянув голову, и вороны встали тоже. Посыпал крупный снег, и на нижнюю ветку сосны, прямо над головами дерущихся, тихо и плавно опустилась голубка, сизый вяхирь. Она трепетала крыльями и ворковала. Ястреб в ответ зашипел, засвистал и мотнул головой, точно стряхивая невидимые путы. Голубка заворковала громче, и тут же сварливо закричали вороны, точно подтверждая её правоту. Тирд не верил своим глазам!

Хищник наклонил голову, нехотя прислушиваясь. Затем злобно копнул снег, выкрикнул птичье оскорбление и тяжело полетел прочь. На лету он обернулся, ожёг голубку мстительным взглядом, словно запоминая, и пропал меж сосен. Вороны проводили врага насмешливым карканьем. И это последнее, что слышал Тирд: мутная плёнка затянула глаза, крылья распластались на снегу, и силы его оставили. Но и сейчас он шестым птичьим чувством всё время ощущал притороченную к лапке берестяную торбочку – привычный груз секретной королевской почты.

Спасение и спасатели

Пробуждение было странным. Блаженное тепло и целое море пуха, устилавшего дупло. Голубь осторожно выглянул наружу.

Убежище располагалось в могучем сосновом стволе высоко над землёй. Тирд опасливо поднял голову. Над ним восседал давешний корвус и увлеченно чистил клюв. При виде Тирда он скосил влажный глаз и выразительно каркнул. Это могло быть как приветствие, так и предостережение. Голубь счёл разумным спрятаться обратно в дупле. И кое-что обдумать. Прежде всего, решил он, вряд ли эти корвусы собираются его

убивать. Иначе зачем было тащить его сюда? И прогонять хабита? Правда, была ещё голубка... Но мысль о ней Тирд пока оставил. Он во всём предпочитал сначала снимать шелуху, слой за слоем, а уж потом докапываться до семечка.

Ворон – не самая опрятная птица, в дупле же приятно пахло корой и шишками. И корвус больше походил на часового, чтобы стеречь Тирда. Или охранять. От хабита? Или кого-то похуже? И Тирд вновь ощутил на лапке послание, которое должен был доставить не позднее утра послезавтра. Тут действительно голова могла пойти кругом, что у голубей, кстати, дело совершенно обычное в прямом смысле слова. И Тирд вновь ощутил на своей лапке письмо. Срочное послание, которое он должен доставить не позднее утра послезавтра.

Тем временем подлетел ворон с седыми перьями. Он перебросился парой кр-р-ра-тких слов с товарищем и заглянул в дупло. Тирд затравленно смотрел на длинный и острый клюв. Клюв скептически каркнул и проговорил на всеобщем птичьем:

– Ну-ка, ты, свистун, вылезай!

Тирд озадаченно заёрзал, но делать было нечего. Злосчастный голубь кое-как выбрался из дупла и вцепился лапками в крепкую сосновую ветвь.

– Куда ты держал путь, покуда не брякнулся в снег, как глупая куропатка?

– Я нёс послание, – кротко ответил Тирд. – Я – почтовый курьер на королевской службе.

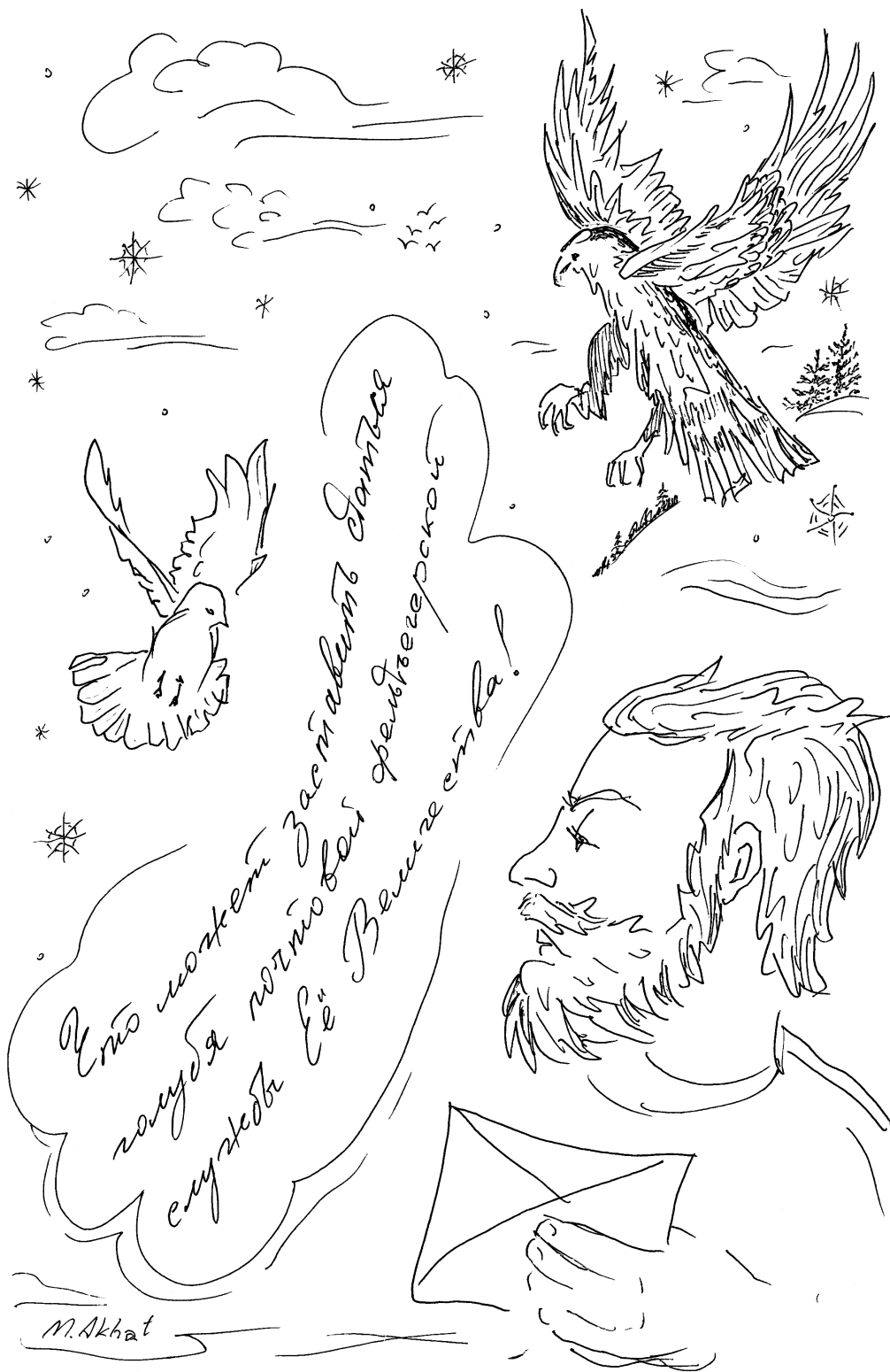
– Это я вижу, – сухо каркнул седой. – Откуда же взялся фальк? Он что, прежде следил за тобой?

Тирд молчал.

– Это очень странно, – задумчиво пробормотал ворон. – Что скажешь, Затейник?

– Скажу то же, что и думаю, – откликнулся первый ворон. – В лесу Госпожи нет ни фальков, ни хабитов. Слава Госпоже!

– Слава Госпоже! – вслед за собранием повторил седой корвус. – Твое сча-

M. Akhat

стье, свистун, иначе хабит разделал бы тебя в два счёта.

– Почему ты называешь меня свистуном, корвус? – со смелостью обиженного возразил Тирд. – Я ведь тоже знаю немало обидных прозвищ для твоего народа.

Седой озадаченно крикнул.

– Ну как... Вы же всегда свистите в полёте.

– Ты ошибаешься, мой верный Искусник, – раздался нежный голос. И тут же возле дупла опустилась давешняя голубка. Её пух казался сизым пеплом, она походила на горлинку, но помельче.

– Наш гость – почтовая птица на королевской службе, – мягко и учтиво пояснила голубка. – А почтовые птицы, как известно, не издают свиста при полёте. В отличие от нас, простых лесных голубей, – лукаво добавила она, словно желая напомнить, что и она, здешняя госпожа, тоже принадлежит к голубиному народу.

Устыжённый ворон низко склонил голову, признавая своё заблуждение.

– Добро пожаловать в наш лес, добрый странник, – улыбнулась голубка.

Тирд тоже знал этикет. Он подпрыгнул в реверансе и раскрыл хвост веером, трепеща каждым пером.

– Благодарю, высокая госпожа, – учтиво проквохтал Тирд низким и бархатным голосом. – Я признателен за спасение тебе и твоим достойным рыцарям.

Корвусы вяло каркнули в ответ, мол, кончай трепаться, свистун!

– Благодарю и тебя, королевский посланник, – ответила чудная голубка. – И заодно прошу извинить моих слуг за неучтивость – они теперь обеспокоены.

– Весьма, – немедленно откликнулись обе чёрные птицы. – Появление хабифалька в твоём лесу не случайно. Значит, будут и другие гости.

– Ах, милые друзья, с вами мне ничего не страшно! – улыбнулась сизая голубка и глянула на голубя так ласково, будто прочла его сокровенные мысли. Но следующие её слова вновь повергли Тирда в трепет, и уснувший

было страх возвратился в отважное птичье сердце.

– Я знаю, что тебя беспокоит, королевский посланник, – проворковала птичья госпожа. – Но ты ещё не знаешь главного. Тебя ищет человек с собакой. Я видела его нынешней ночью. Он и привёз хабифалька.

Ошеломлённый Тирд не сумел в первую минуту даже клюва раскрыть.

– Я думаю, всё дело в письме, что ты несёшь, – заключила она. – И мне кажется, этому человеку нет дела до тебя самого. Ему нужно только это послание. Но в безопасности ли ты, пока оно с тобой?

Тирда ищет

Человек с собакой появился в лесу спустя час после рассвета. Он возник в соседней роще как зловещий призрак, посеребрённый инеем. Волосы, брови, усы человека побелил мороз. Из рта вырывалось лёгкое облачко пара, так же как из пасти собаки – чёрной, гибкой, лохматой, неизвестной Тирду породы. Собака усиленно и дьявольски сосредоточенно принюхивалась к морозному воздуху вокруг деревьев.

Выйдя из рощи, человек и собака остановились подле двух отдельно стоящих сосен с искривлёнными кронами. Постояв немного, человек чуть наклонился к собаке и что-то проговорил. Ищейка внимательно выслушала хозяина и потянулась мордой к его запячленному мешку. Человек немедленно отстегнул карман сбоку и вынул что-то тёмное и узкое. Тирд, всё это время с опаской подглядывавший из дупла, напряг зрение и тут же в ужасе юркнул поглубже в своё укромное убежище. Он разглядел в руке человека голубиное перо. И это было перо его, Тирда!

Значит, этот страшный и непонятный человек со своей собакой уже побывали на том месте, где голубь без сил упал в снег. Наверное, перо ушло глубоко в сугроб, и вороны Госпожи Леса не сумели его отыскать. Зато это

смогла сделать собака, а навёл её не иначе, как проклятый хабифальк. И теперь они направлялись напрямик к его дереву!

Чёрный корвус уютно устроился в сосновой кроне. Он тоже не спускал глаз с собаки, которая неторопливой трусцой обходила дерево за деревом. Ворону было наплевать на собаку. Он знал, что верхового чутья даже у этого пса не хватит, чтобы учуять голубя, надёжно укрытого в дупле. Ворон высматривал пернатого врага. Он знал: рано или поздно хабифальк появится. Об этом говорила массивная кожаная перчатка на руке хозяина птицы и собаки. Его пернатый слуга, скорее всего, кормился где-то неподалёку. И ворону нужно было оставаться начеку.

У мороза есть характерная и странная особенность. Некоторые запахи он отбивает напрочь, они точно тают на холоде. Иные же напротив – усиливаются и обостряются, будто пронзают ноздри холодными и пахучими иглами. Собаки хорошо знают эту особенность туши и умеют её использовать. Поэтому человек, прежде чем дать собаке перо, дважды осторожно погрузил его в сухой снег, наметённый возле дерева. Затем смахнул с пера снежинки и слегка расщепил его ость. И только после этого охотник на королевских посланцев протянул перо злополучного Тирда ищейке. И тут произошло ужасное. Собака, едва вобрав ноздрями сладкий и пьянящий запах добычи, неожиданно, как по команде, повернулась к дереву, в дупле которого прятался бедный Тирд, и уставилась на сосну. Неужели проклятая собака всё-таки его учуяла? В глубоком дупле и на такой высоте? Этого не могло быть! Чего ей тут надо?!

Так со страхом думал Тирд, не слишком-то осведомлённый о способностях собак, сидя в тёмной древесной нише, весь в пуху. А собака снизу молча смотрела прямо на него! Сердце голубя билось как в силке, и тут он услышал где-то наверху сдержанное хриплое покашливание. Это был давешний ворон.

Чёрный корвус сидел на ветке, метрах в четырёх повыше дупла. Он чистил перья, полировал клювом когти и ковырял ногой кору. Ворон тихо ворчал, булькал, щёлкал клювом и побрякивал, как это обычно делают лесные птицы, чувствуя себя в полной безопасности в высокой кроне. При этом корвус изредка скашивал блестящий чёрный глаз и внимательно смотрел на застывшую внизу собаку.

Охотник тоже заметил пристальное внимание, которое его питомец оказывал лесной птице. Он подозвал ищейку, но умный пёс не тронулся с места. Человек не рассердился. Он подошёл к собаке и что-то сказал ей, поглядывая на ворона, который блаженствовал в сосновых ветвях. Собака повела головой, прислушиваясь к голосу своего властелина, и негромко тявкнула в ответ, точно не соглашаясь с доводами человека. И тот поднял голову и ещё раз, уже внимательней, посмотрел на чёрную птицу. Тирд, вновь тихонечко высунувшийся и одним глазком поглядывавший меж ветвей, замаскировавших вход в дупло, видел всю эту картину. И теперь ему пришла в голову новая и ещё более ужасная мысль. Наверное, собака учуяла какую-то связь ворона с ним, Тирдом. И теперь чувствует их обоих. Но неужели её возможности столь велики? Или это злосчастный мороз играет с бедным маленьким голубем свои злые холодные шутки?

Возможно, похожая мысль пришла в голову и ворону. Он в последний раз скосил взгляд на собаку, а потом с шумом, нарочито, как это делает сладко потягивающийся человек, расправил крылья и взлетел. Сделав над сосною круг, ворон в довершение ко всему бомбардировал собаку с высоты своего положения изрядным комком липкой белой массы. Но промахнулся. После чего полетел прочь, не спеша, постепенно, словно преисполнившись сознания честно исполненного долга. Собака постояла немного, не спуская глаз с удаляющегося ворона, а затем потихоньку, шагком за шагом двинулась вслед за

ним. Ищейка шла, подняв морду и помаргивая от хлопьев снега, которые поднявшийся ветер, как прилежный хозяин в доме перед праздником, принялся смахивать с веток.

Самые неприятные подозрения Тирда подтвердились. Учёная ищейка никогда не пойдёт за вредной птицей без всяких на то оснований. Даже если та и пыталась нахально обгадить собаку. Тирд был уверен, что его ищут самые хитрые и опасные враги, каких только можно представить. То же самое ему раньше сказала и голубка. На миг ему отчаянно захотелось вырваться из своего убежища, показавшегося вдруг тесной и душной западнёй. Расправить крылья, как этот ворон, и броситься в морозное небо, а там – будь что будет! Но он тут же представил себе, как из-за туч невесть откуда на него вновь спикирует чудовищный фальк, и теперь его уже никто не спасёт. Но, скорее всего, свалится сам Тирд, больной и слабый голубь, которого уже давно ждут высокие и важные персоны. Они сердятся, злятся на Тирда, поминают его нехорошими людскими словами, быть может, уже и проклинают. И сетуют, что не послали другую птицу – более разумную, находчивую, сильную, наконец. Наверное, при этом вовсе и не зная о порченном зерне и странной, с тухловатым вкусом воде, которую ему пришлось пить за несколько часов перед вылетом из-за необъяснимой, внезапной и всепоглощающей жажды.

А, может быть, уже и не ждут. Голубь, не прилетевший вовремя, в королевской почтовой Службе чаще всего означает одно: ждать его не имеет смысла. У голубей в природе немало врагов, но самый могущественный – человек, ведомый злым умыслом. И, значит, Тирда уже считают погибшим, даже оплакать его некому. Ну, кроме, быть может, двух-трёх голубок, которые прошлой весной поглядывали на него с благосклонной симпатией. И, выходит, письмо, которое он несёт, не ждут тоже. То письмо, что, возможно, могло бы в корне поменять планы многих и

многих людей, а, значит, и почтовых голубей тоже. И теперь, не дождавшись Тирда, все эти люди и принадлежащие им собаки, лошади и голуби тоже поступят совсем иначе, чем должно. И, возможно, себе на беду или даже погибель. Ведь в лесах уже третий год идёт война, и, значит, Тирд воюет тоже, наравне со всеми этими людьми, лошадьми, собаками и голубями. И тоже может погибнуть, как все остальные. И опасных шансов для этого у него даже больше. Ведь он носит секретные записки и предписания, которыми совсем не прочь воспользоваться злой и коварный враг. Но за три года верной и нелёгкой службы Тирд впервые увидел своего противника так близко. Причём вполне конкретного врага, знающего о нём, Тирде, и ненавидящего его. Именно поэтому на него напал хабифальк; поэтому человек и собака пришли в лес. И что ему делать – жалкому, беспомощному голубю-неудачнику, – если избитые крылья и дальше откажутся повиноваться?

Но более всего Тирда, что забился сейчас в тёплый пух укромного дупла, угнетала тяжёлая и причинявшая почти физическую боль мысль, что люди, к которым он летел, возможно, и не подозревают о письме. Оно, безусловно, должно быть очень важным, это письмо, раз Тирду даже не дали толком отдохнуть после возвращения из столицы. И вовсе не проследили, чтобы его корм и питьё были отменного качества, как и полагается в службе перед дальним перелётом. Люди, посылавшие это письмо, очень спешили; и, значит, он был нужным, несказанно важным, этот кусочек бумаги или шёлка, запечатанный в берестяной торбочке у него на лапке. Ах, если бы только Тирд мог знать, что там! В бересте с королевской печатью, от которой, и голубь не раз видел это сам, тревожно замирает сердце у самых великих и бесстрашных воинов, мудрых волшебников и капризных людских красавиц?

Но даже если бы он и знал – а Тирд чувствовал, что в этой торбочке есть

письмо, как бы сумел он понять написанное, разобраться в нужности и срочности его? Чтобы уж тогда решать окончательно: ждать выздоровления или сломя голову лететь как можно скорее из этого дупла, от этой сосны, этого леса, этих неожиданных и спасительных друзей. И сизой голубки.

При мысли о голубке Тирд, однако, призадумался.

Он не видел её с утра, но уже страстно желал услышать тихий свист перьев, нежное сияние синих и голубых цветов, мягкое воркование, мудрый и ласковый взгляд глубоких, чудесных глаз. И ловя себя на этих опасных мыслях, Тирд чувствовал себя очень неуютно, поскольку в сердце тут же оживала ещё одна вредная и неправильная мысль. Мысль, что ему хочется остаться тут как можно дольше. Чтобы чаще видеть добрую Госпожу Леса, которая спасла его от неминуемой смерти и продолжает оберегать под сенью своего дерева, заботу своих слуг-воронов. И, как знать, может быть, даже и волшебством, застязим глаза врагам Тирда и отводящим их от одинокого, смертельно усталого голубя. Как знать, может, и Тирд оказался во власти этого невидимого волшебства, голубиной магии, которая у этих добродушных и миролюбивых птиц, как известно, полностью подвластна только женским особям?

Горестные размышления Тирда прервал хруст снега внизу, под его сосной. Осторожно выглянув из дупла, голубь сквозь сосновую хвою увидел, как человек уходит. Охотник шёл следом за собакой. Он казался задумчивым, судя по тому, как опрометчиво ставил ноги, слишком близко обходя глубокие сугробы, которые Тирд видел сверху благодаря особому чутью птицы, привыкшей летать высоко. Радость немедленно хлынула в птичье сердце горячей волной: враг ушел! Конечно, это ворон уводил собаку, а за ней и охотника. Как это удалось корвусу, Тирд понятия не имел. Но он вновь исполнился огромной благодарности к голубке, у которой такие умные и изобретательные слу-

ги. Путь к спасению был открыт. Вечером он попытается вылететь из дупла, а значит, ему нужны силы.

Тирд оглянулся в поисках корма. Ещё с утра он обнаружил в дупле странную пахучую кашицу. Это была смесь полупережёванных семечек сосновых и еловых шишек, остро отдающая хвоей и пряным маслом. Тирд, на своём голубином веку немало полетавший над землёй, слышал, что такой пищей пичкают своих птенцов странные лесные птицы с причудливо загнутыми крючком носами, которые вскармливают потомство порою в самые трескучие морозы. И теперь такое же пропитание предложили ему. Неужели вороны? Тирд отнёсся к этому предположению с большим сомнением, едва лишь представил себе, как корвусы выщелачивают из шишек орешки и колют их для глупого голубя крепкими острыми клювами. А, может, это угощение как раз и принесли клесты? Уж коли сизая голубка – подлинная Госпожа этого Леса, ей могут служить самые разные птицы...

И он вновь задумался о том, каким же образом его, беспомощного, лишившегося сил и чувств, доставили сюда, на такую высоту. Ни голубка, ни тем более вороны не ответили на этот вопрос, который, помнится, он задал в числе первых. Что ж, если каша в голове, попробуем уравновесить её кашей в желудке, философски заключил Тирд. И принялся осторожно поклёвывать загустевшую кашицу. Вкус был необычный. Тирд, честно говоря, привык к более пресной и зерновой пище. Но делать нечего, нужно набираться сил. И голубь усердно принялся за еду, поначалу – недовольно покачивая головой и раздражённо булькая. Но затем даже вошёл во вкус, потому что ещё в птенцовые времена твёрдо усвоил простую и мудрую истину: чем невкуснее пища, тем она может оказаться полезнее. Особенно когда ты болен.

Понемногу Тирд повеселел. Он уже чувствовал, как силы его прибывают, точно ручейки, питающие пока ещё слабый, но уже весело звенящий поток.

Он вновь выглянул из дупла и оглядел окрестности, чтобы прикинуть площадку для ночных тренировок крыльям. О том, что с ним будет, если крылья его не вынесут, Тирд предпочитал пока не думать.

Слева от сосны стояла сплошная стена деревьев. Справа же светлела прогалина. Она была завалена снегом, и Тирд, не будучи совсем безрассудным, полагал, что в случае неудачи он сможет дотянуть до неё и переночевать в сугробе. А поутру повторить свои попытки вновь. Голубь оживился и весело поклёвывал отдающую хвойной смолой кашу.

Напоследок он решил ещё раз глянуть вниз, чтобы определиться с площадкой для приземления, когда будет выбираться из дупла. И тут же похолодел до самых косточек, точно со всего лета обрушился в ледяную воду.

Внизу из снега торчал прут.

Очевидно, это был ствол одного из кустов редкого ивняка, растущего неподалёку. Прут был длинный и прямой, его конец был небрежно обструган и обломан. Прут воткнули глубоко в снег, и он был хорошо виден и из-за деревьев слева, и справа, от прогалины. Тирд смотрел на него, не веря своим глазам, и чувствовал, как его маленькое сердце сжимает ледяная когтистая лапа ястребиного страха. Этот прут был пометкой. Его срезал и воткнул в снег охотник перед тем, как уйти вслед за собакой в чащу. И означала эта метка только одно: человек обязательно сюда вернётся.

Кусочек шёлка

Сизая голубка прилетела уже в сумерках. Всё это время Тирд сидел мрачный, съевшись в дупле. Он втянул голову и не чувствовал ни тепла, ни холода. Тирд знал, что в любую минуту может появиться охотник со своей проклятой собакой. Услужливое воображение рисовало одну и ту же

страшную и вполне вероятную картину. Человек быстро и сноровисто срубает сосну огромным топором, вынимает беспомощного Тирда из разгромленного дупла и кладёт на сосновый пенёк. Затем вынимает острый нож и норовит отрезать Тирду лапку. Вместе с берестяной торбочкой и письмом внутри. А рядом стоит собака, с кровавой жадной пастью, в вожделенном ожидании, когда ей бросят изуродованного голубя в награду за труды.

Тирд бесконечно рисовал себе эту картину, всякий раз избирая всё более мрачные краски. Наконец голубка скользнула в дупло и уселась рядом, внимательно оглядывая Тирда чудесными лучистыми глазками.

– Чем ты опечален, милый друг? Силы твои прибавляются, крылья крепнут. В чём же дело?

– Человек, который охотится на меня, оставил внизу приметку. Он вернётся и отыщет меня.

– Ты надёжно спрятан, – возразила Госпожа Леса. – Он уже побывал здесь и не сумел тебя отыскать. Мой верный ворон уводит их отсюда в лесную чащу. Ты в безопасности, королевский посланец.

– Только пока, – упрямо прошептал Тирд. – Человек знает, что я упал где-то рядом. У него моё перо. И он вернётся – для того и оставил пометку.

– А мы не можем её убрать? – с надеждой спросила голубка. – У меня есть слуги, которым это под силу. Человек вернётся и не найдёт своей приметки. Тогда он, быть может, уйдёт.

– Вряд ли, – ответил Тирд. – Он, конечно, запомнил окрестности. Это умный и опытный охотник. К тому же ему служит собака. Даже если твои слуги и уберут приметку, это только породит у него новые подозрения.

– Что же делать? – озадаченно проворковала птица с сизым опереньем.

– Выход только один. Мне нужно улетать. Сегодня ночью, если человек не вернётся, я обязательно попытаюсь это сделать.

– Ты ещё слишком слаб, – мягко

возразила голубка. – Крылья могут не удержать тебя, и ты сломаешь маховые перья. А то и кости. И тогда уже никогда не доберёшься до своей цели.

– Меня ждут, – упрямо пробормотал Тирд. – Я должен попробовать.

– Ты всё время думаешь о письме, что должен доставить? – задумчиво спросила голубка.

– Да, – кивнул почтовый голубь. – Это – мой долг. Моя служба.

– Служба? – качнула изящным клювиком Госпожа Леса. – Мне трудно понять. В этом лесу птицы служат только мне. Да и то потому, что я в своё время помогала многим из них, когда ещё они были несмышлёными подростками-слётками.

– Сколько же тебе лет? – удивился Тирд, ещё раз с удовольствием окидывая птицу осторожным, бережным взглядом.

– Я – вечно юная, – улыбнулась голубка, изящно поведя клювом и сделав быстрое, неуловимое движение прелестной головкой, точно отряхиваясь от капелек тёплого майского дождя. Тирд смотрел на неё зачарованно: он был не в силах понять, шутит ли с ним эта загадочная птица или говорит серьёзно.

– Ну, наверное, – неуверенно проворхтал он. – Но я ведь – королевский гонец. Мой долг сильнее меня. Он неуклонно зовёт, требует, чтобы я поскорее летел. Неизвестно, что может случиться, если письмо не будет доставлено вовремя. Знаешь...

Тирд помолчал, угрюмо покачивая клювом.

– У меня отчего-то очень тревожное предчувствие. Мне кто-то неуклонно нашёптывает, что я и так уже опоздал. И каждый час промедления делает случившееся всё более непоправимым и ужасным.

– А что должно случиться? – воскликнула сизая голубка.

– Не знаю, – тихо сказал Тирд. – Но, наверное, об этом знает письмо.

– Письмо... – задумчиво прошептала Госпожа Леса. – И ты, конечно, не знаешь, о чём оно?

– Я всего лишь почтовый голубь, – простодушно ответил Тирд. – Хотя и ношу секреты королевского двора, откуда мне знать их?

– Разумеется, – согласилась голубка. Она замолчала и некоторое время, казалось, размышляла, искоса поглядывая на Тирда. Голубь же мрачно ждал темноты. Или охотника.

Наконец Госпожа Леса внимательно посмотрела на него.

– Скажи мне, Тирд: что связывает тебя с твоей службой? Зачем ты носишь чужие письма?

Тирд посмотрел на голубку в великом изумлении.

– Как это – что? Мой долг. Я тебе это уже говорил.

– Помню, – кивнула голубка. – Но кому ты отдаёшь его, этот долг? Ты разве кому-то должен?

Тирд смешался, в первую минуту не зная, что ответить. И как сделать так, чтобы эта чудесная птица, живя здесь, в глухом лесу, поняла его, городского, почти что столичную штучку. К тому же причастного к великим тайнам королевского двора, пусть даже и косвенно.

– Знаешь, Госпожа, это трудно объяснить. Могу только сказать, что, наверное, я так устроен. Такое мне дали воспитание в почтовой Службе, там я узнал жизнь и познал себя. Я обязан своей службе всем. Вот и всё, наверное.

– Как просто, – задумчиво проговорила голубка. – Но ведь ты не родился почтовым голубем, королевским гонцом, правда?

– Почему? – удивился Тирд. – Я вылупился из яйца как раз в гнезде, принадлежавшем почтовой Службе. Мои родители были почтовыми голубями. Правда, отца я не знал, но мать запомнил хорошо. Я помню её и сейчас.

– Разве у почтовых голубей нет отцов? – тихо спросила голубка.

– Ну, сначала-то они, конечно, есть, – возразил Тирд. – Но когда вылупляются птенцы, с ними остаются одни матери. Говорят, хороших отцов мало. Даже на королевской службе.

Сизая голубка улыбнулась, но взор её был исполнен грусти.

– Скажи мне, Тирд, разве тебе никогда не хотелось пожить вольной жизнью? Как живём здесь мы, в этом лесу?

– Не знаю, – честно ответил Тирд. – Признаться, я прежде никогда не думал об этом всерьёз. Служба королю поглощает меня полностью.

– А ты думаешь, король знает о тебе? О том, что ему уже который год верой и правдой служит храбрый и самоотверженный голубь по имени Тирд? – с горечью спросила Госпожа Леса. – И знает ли он вообще хоть что-то о голубях?

– Думаю, знает... – не совсем уверенно сказал храбрый и самоотверженный голубь Тирд. – Должен же он знать, кто носит его секретную почту...

– А как ты думаешь, – медленно сказала голубка, точно с трудом подбирая нужные слова. – Если бы ты остался здесь. Со мною, в этом лесу. Король бы сильно огорчился?

– ...Не знаю, – смешался Тирд. – Наверное, не так, чтобы уж очень, – предположил он.

– И я так считаю, – радостно поддержала его голубка и даже захлопала крыльями от восторга. – Так, может быть, останешься?

– А зачем? – слегка обалдел Тирд. – Что я здесь буду делать?

– Просто жить, – ответила Госпожа Леса. – Ты разве никогда не задумывался о том, что в этом мире можно просто жить? Не служа, не работая на кого-то, не испытывая чувства долга и ответственности ни перед кем, кроме своих близких?

– А почему ты спрашиваешь об этом, Госпожа? – изумился Тирд.

– Видишь ли, Тирд, – сказала сизая голубка. – Я бы очень хотела, чтобы у моих птенцов был отец. Чтобы им повезло больше, чем тебе в детстве. И чтобы ты понял, как хорошо служить прежде всего своим детям, подруге, родителям, семье...

Тирд, не в силах вымолвить ни слова, ошеломлённо уставился на голубку.

А она улыбалась ему. И в лучах этой улыбки из уставшего голубиного сердца сильными, нервными и ликующими толчками уходил весь страх минувшего дня и тревога перед днём грядущим.

Спустя час или более того над дуплом раздалось вежливое хриплое покашливание. Это вернулся ворон, тот, что был с седыми полосками на крыльях.

– Искусник вернулся, – прошептала голубка и ласково улыбнулась Тирду. Тот смущённо отодвинулся от неё, а она одарила его лукавым взором. Выглянув из дупла, голубка приветствовала своего слугу, после чего обернулась.

– Тирд, – сказала она. – Я хочу предложить тебе нечто очень важное.

– Да? А что именно? – с любопытством спросил голубь, поглядывая в ночную тьму. Честно говоря, теперь ему уже не слишком хотелось вылетать из этого дупла. Оно так неожиданно быстро стало ему уютным, тёплым и родным. Хотя голуби и не живут в дуплах.

– Я понимаю, чувство долга теперь сильнее тебя, – молвила голубка. – Оно неудержимо тянет тебя в путь. Опасные предчувствия овладели тобой, дурные мысли и тревожное беспокойство. Причиной тому – письмо, которое ты должен отнести. Но скажи, Тирд, если ты будешь знать содержание письма, и оно окажется... Нет, разумеется, не пустячным... Но не слишком уж... роковым для твоей нынешней жизни. И не определяющим твою жизнь дальше... Тогда ты останешься со мной? С нами?

Тирд долго молчал. За это время он вспомнил о многом. Но в итоге почему-то сказал вовсе не то, что вертелось на языке.

– Кто же может знать, что написано в королевском письме?

– Я, – ответила голубка. – А Искусник нам в этом поможет.

В тот же миг подлетел второй ворон, тот, что был весь чёрный. Его Госпожа почему-то звала Затейником, но Тирд далеко не был уверен, что и ему позволительно так называть мрачных корвунов, служивших ей верой и правдой.

– Королевскую почту запрещено вскрывать всякому, кому она не предназначена, – запоздало спохватился Тирд, когда они выбрались из дупла на свет и устроились на толстенном суку.

– Не волнуйся об этом. Искусник попырует её достать, не повредив королевских печатей, – успокоила его голубка.

Тем временем понемногу смеркалось. Но вороны неплохо видят и в темноте, хотя до ночных пернатых охотников им, конечно, далеко. Затеяник уселся повыше, чтобы бдительным оком обозревать окрестные чащи на случай, если появятся человек с собакой. Искусник же первым делом тщательно осмотрел берестяной туюсок и осторожно простукал его клювом, мягко нажимая в каких-то, одному ему понятных местах. Всё это время Тирд чувствовал себя крайне неудобно, отчаянно ёрзал и часто вздыхал. Он был совершенно уверен, что совершает государственное преступление и его в самом скором времени ждёт суровое наказание за измену.

Тирд настолько разволновался, что корвус замер на мгновение. А затем поднял голову и внимательно посмотрел на голубя блестящими пронзительными глазами.

– Ну-ка ты, свистун, можешь посидеть спокойно хотя бы минутку?

Перепуганный Тирд послушно замер, а корвус вновь опустил клюв и продолжил свои хитрые манипуляции. Наконец ему удалось раздвинуть полоски туго стянутой бересты и просунуть кончик клюва внутрь туюска.

– Там что-то есть, – глухо прошамкал ворон, не вынимая клюва.

– Можешь вытащить? – спросила голубка.

– Вытащить – смогу, – пробурчал ворон сквозь закрытый клюв.

– А потом засунуть обратно? – вновь спросила голубка, и Тирд явственно услышал в ее голосе нотку волнения.

– Постараюсь, – пообещал ворон. – Скорее всего, получится.

– Тогда тяни, – велела Госпожа Леса.

Корвус молча кивнул, так что при этом весь туюсок, привязанный к голубиной лапке, опасно сотрясся. Не хватало ещё, чтобы теперь появился этот кошмарный охотник, нехстати подумал Тирд. И в тот же миг ворон зацепил, потащил и резко вытянул из туюска маленький кусочек белой ткани. Он повернулся и с поклоном положил его перед своей Госпожой, придерживая, однако, сильной кожистой лапой.

– Что это? – спросила голубка.

Перед ней лежал квадратик тонкой и крепкой материи, более всего похожей на шёлк. На шелку посреди белоснежного поля было написано длинное слово. Ниже стоял королевский знак – миниатюрное изображение двуглавого льва с зажатым в лапах коротким копьём.

– Невероятно! Так мало? – в изумлении спросил Тирд, который никогда прежде не видел содержимого королевской почты. Его взору всегда представляли только туюски, конверты, клеёные ленты и колечки. Что на них было изображено и что покоилось внутри, Тирд раньше не видывал. Тем более его удивила такая мелочь в туюске, ради которой он столько раз рисковал самой жизнью.

– Дело не в количестве, – назидательно ответила голубка. – Это же почта.

– Королевский символ я видел много раз, – сообщил голубь. – А что это за странные закорючки над ним?

Ворон иронически глянул на голубя, а голубка тут же принялась терпеливо объяснять.

– Эти значки называются «буквы».

– Не-е-ет! Буквы не такие, – упрямо замотал головой Тирд. – Я прежде видел буквы, и очень много раз – на знаменах, стенах домов, вывесках. Даже на каменных изображениях людей и лошадей.

– Я поняла, – терпеливо сказала голубка. – Но те буквы, что видел ты, называются «печатные». Печатные бук-

вы у людей – для праздников и торжественных случаев. Как вот эта печать – навсегда. Понимаешь?

Тирд кивнул.

– А те, что перед тобой – это буквы для письма. Ими люди пишут только для себя. Ну, или ещё – для близких себе людей, которые поймут. Потому что у людей все рисуют эти буквы поразному. Так мне рассказывала моя мать.

Тирд кивнул вторично.

– Так вот перед тобою – эти самые буквы. А из них составлено какое-то слово.

Тирд кивнул и в третий раз. Он был умный и сообразительный голубь, к тому же очень дисциплинированный. Уже давно замечено, что служба королям во все времена наиболее успешно формирует именно последнее качество, кстати, далеко не последнее в ряду известных жизненных добродетелей. Правда, именно в эту минуту Тирд как раз и совершал, по его мнению, одно из самых страшных преступлений против короны!

– Очевидно, в этом слове и заключён смысл королевского послания, – предположила Госпожа Леса.

– Всего лишь в одном только слове? – недоверчиво пробормотал Тирд, разглядывая хитроумные закорючки.

– Ну да, – молвила голубка.

– Хорошо, – ответил Тирд, – я всё понял. А что мы теперь будем делать с этим словом? И какое оно – хорошее или плохое?

– Этого мы не знаем, – покачала головой голубка. – Покуда слово не прочтёшь, никогда не знаешь, что оно может значить.

– А кто его может прочитать? – не унимался Тирд. – Что касается меня, то я читать не умею. Тем более – полудски.

Ворон покосился на Тирда и саркастически крутнул головой, точно говоря: ну, ещё бы, где уж тебе, свистуну!

– Это не удивительно, – вздохнула голубка. – Никто из нас не умеет читать по-человечьи. Кроме одного.

И она неожиданно низко поклонилась... корвусу! Тот в ответ сделал церемонный шаг назад и учтиво поклонился своей Госпоже как образцовый придворный, знающий себе цену, но весьма высоко чтящий монаршую милость. Во всяком случае, на людях. Или – птицах, что, по сути, имеет в таких случаях мало различий.

– Искусник в молодости жил с людьми, – пояснила голубка Тирду. – Его показывали за деньги, а он за это проделывал разные фокусы. Или наоборот, уж не знаю. Словом, там, в цирке, он и научился немного читать.

И она обернулась к ворону, который в течение её краткого рассказа не издал ни звука. Другой же корвус тем временем не спускал глаз с ближайших зарослей, бдительно следя за каждой веточкой и прислушиваясь к писку ночных зверьков и далёким крикам птиц.

– Ты ведь сумеешь прочитать, верно, Искусник? – с надеждой и гордостью спросила Госпожа Леса.

– С вашего позволения, – глубоким и низким голосом ответил ворон, – я уже это сделал.

– Как?! – вскричала обрадованная голубка. – Ты прочёл это слово?

Корвус молча склонил голову, кося ироническим глазом на Тирда. Сверху глухо каркнули – это Затейник выразил одобрение искусству собрата по перу.

– Что же это за слово? Говори скорее, мой добрый друг! – воскликнула голубка.

– С вашего позволения, – вновь начал ворон, – это слово означает «ПОНЕДЕЛЬНИК».

– Понедельник? – удивлённо воззрилась на него Госпожа Леса.

– Так точно – понедельник, – подтвердил ворон. – Именно это написано по-человечьи на белом куске материи.

Наступила долгая тишина. Первой её нарушила встревоженная и недоумевающая голубка.

– Но что означает это слово? И чего ради посылать из-за него такого... – она

приласкала Тирда тёплым взглядом, – такого достойного и храброго голубя?

– Этого я уж не знаю, – сухо ответил Искусник. – Но может быть, знает этот?..

Любимое словечко «свистун» в этот раз не сорвалось с клюва корвуса, который, что ни говори, был весьма неглупым царедворцем. И потому закончил нейтрально:

– Этот... достойный... голубь...

– Да я понятия не имею! – ошеломлённо воскликнул Тирд. Но тут же прибавил: – Пойдите, а можно я немного подумаю?

– Думай, – хором ответили голубка и оба ворона. И Тирд принялся думать.

Чтобы легче думалось, он даже отвернулся от своих спасителей. Попрыгал на ветке, чтобы мысли поскакали быстрее. Поковырял лапкой прошлогоднюю кору. Пощипал клювом застарелую, загустевшую смолу на изломе ветки. И вдруг резко обернулся к голубке.

– Какой сегодня день? Ради всего святого, скажи, пожалуйста, какой сегодня день?

Голубка в испуге обернулась к Искуснику, словно ища у того помощи. Ворон на миг прикрыл один глаз, после чего невозмутимо каркнул:

– Воскресенье. Сегодня у людей воскресенье.

– Ты не ошибаешься? – тревожно спросила его Госпожа Леса, видя, как страшно взволновался Тирд.

– Нет, не ошибаюсь, – покачал головой ворон. – Затейник сегодня летал в деревню. Там была ярмарка, и нашлось чем поживиться.

Тирд медленно, без сил опустил клюв, как громом поражённый. А когда поднял голову, в его круглых глазах стоял ужас.

– Я... я опоздал...

Крылья

Он всё вспомнил, понял и ужаснулся. Перед глазами Тирда как во сне двигались бесконечные вереницы выючных лошадей, обозы, груженные оружием и провиантом, отряды суровых воинов, идущие на восток. Тревога в глазах людей, живущих в столице, и больные глаза пришедших оттуда, из лесов. Враг, с которым нужно было покончить. Решительность в словах и жестах военных. И тайный, срочный полёт его самого в страну лесов, на запад. С письмом, в котором было одно только слово. День выступления.

И он опоздал.

В первые минуты, когда в глазах голубя прояснилось, и спала мутная пелена страха, он готов был очертя голову броситься в небо и лететь, пока хватит сил. Голубка еле его удержала. Вернее, её крепкие и решительные слуги. Вороны как будто поняли всю беду и отчаяние Тирда. Затейник остался сторожить на вершине сосны, а Искусник уселся рядом с Тирдом и некоторое время разговаривал с ним. После чего голубь кивнул, а корвус, похоже, был удовлетворён исходом беседы. Единственное, что опечалило ворона – то, что никто из них не может лететь вместо голубя, хотя бы и с торбою в клюве. Только Тирд знал дорогу, но не мог её объяснить – в дальних полётах голубя безошибочно вели к нужному месту инстинкт и зрительная память.

Через час Затейник мягко спланировал вниз, к подножью сосны, и принялся ждать. Он важно расхаживал по снегу, изредка поглядывая вверх, на дупло; туда, где отважный Тирд готовился совершить свой первый за эти два дня полёт. Голубь немного успокоился, и у него появилась слабая надежда, что за эту ночь он успеет добраться до памятной голубятни. А там уже его давно ждут и надеются на него, никогда прежде не подводившего своих хозяев и короля. Искусник остался на ветке, рядом с Тирдом, и тихо покаркивал, давая

дельные наставления, как держаться в небе и на земле, если он опять затеет падать. Голубь слушал его, пританцовывая на ветке от возбуждения, и со страхом посматривал вниз.

Первая попытка оказалась неудачной. Тирд бесславно упал, кое-как планируя на распростёртых крыльях и смягчив тем самым падение. И тут ему было суждено узнать, каким образом он попал в сосновое дупло. С дерева слетел Затейник, и оба ворона подошли к смущённому и расстроенному Тирду с боков. Голубь не успел даже крикнуть от возмущения, как чёрные птицы бесцеремонно ухватили его за ноги, каждый за свою, и тяжело взмахивая крыльями, подняли Тирда обратно к дуплу. Поражённый случившимся, голубь только тяжело дышал, а корвусы тут же наперебой принялись наставлять его и указывать на ошибки. И спустя некоторое время уже сами стали подталкивать Тирда к краю ствола, понуждая, однако, не сразу мчаться вперёд, сломя голову, а только тихонечко слететь вниз, помогая себе крыльями.

На четвёртой или пятой попытке крылья удержали Тирда в воздухе. Затем, немного отдохнув, он сумел долететь до ближайшей рощицы. Устал Тирд отчаянно, но гордость и вид голубки, ободряюще смотревшей на него, не позволили ему обратиться за помощью. И Тирд самолично вспорхнул и очутился вновь у дупла. Птицы встретили его одобрительным карканьем и, конечно же, нежным воркованием.

– Если так будет продолжаться, к утру ты сможешь лететь, – заметил Искусник.

– К утру будет поздно, – серьёзно сказал Тирд. – Моё опоздание станет неотвратимым, а сейчас ещё есть надежда.

– Ну, как знаешь, – ответил Искусник. И голубю показалось, что в этих кратких словах корвуса он впервые слышал нотки грубоватого уважения.

Затейник, кажется, тоже хотел что-то сказать. Но вместо этого повернул

голову и склонил набок, прислушиваясь. После чего тревожно каркнул. Этот сигнал мог значить лишь одно: прячьтесь да поскорее! Тирд и голубка тут же юркнули в дупло. Искусник тщательно замаскировал ветвями отверстие, действительно очень искусно работая при этом клювом и помогая себе сильным крылом. Затейник уже сидел на вершине кроны, оглядывая с высоты лес. Он был уверен, что слух его не подвёл.

Сразу же, как Искусник также укрался в сосновой кроне, неподалёку раздалось приглушённое собачье тявканье. Два голубя, схоронившиеся в дупле, со страхом прижались друг к дружке. Сомнений не было – охотник и собака возвращались. Но ни Тирд, ни Госпожа Леса ещё не знали самого страшного. На руке человека, крепко уцепившись могучими когтями за толстую воловью кожу ловчей перчатки, покачивался грозный хабифальк. Враг вернулся.

Спустя некоторое время к дуплу подкрался Искусник и птичьими жестами объяснил голубке и Тирду, что происходит внизу. Собака бродила под деревьями, принохиваясь к снегу. Изредка она поднимала голову и ноздрями втягивала морозный воздух, очевидно, прибегая к помощи верхового чутья. Хищная птица сидела на нижней ветке старой сухой сосны, крона которой, по всей видимости, когда-то была сломана ударом молнии. Но самое неприятное было в том, что совсем неподалёку от их сосны-убежища человек разжёл костёр и натаскал побольше хвороста. Это могло означать лишь одно: охотник собрался остановиться здесь на ночлег.

Ничего хуже случиться не могло.

Шли минуты; затем прошёл час, за ним другой, драгоценное время Тирда истекло, как вода из дырявой голубиной поилки. Тирду нужно было на что-то решаться. Они тихо переговорили с вороном, и тот неслышно взлетел к Затейнику обсудить план спасения почтового голубя. Посоветовавшись, Чёрный народ принялся за своё чёрное дело. Первым вступил, согласно своему прозвищу, Затейник. С громким карканьем

он прынул сверху и бесстрашно уселся напротив хищной птицы. Собака только мордой повела в его сторону и тут же углубилась в лес обнюхивать окрестные кусты. Хабит же не спускал мрачного взора с корвуса. Он-то прекрасно помнил этого дерзкого ворона, но, увы, никак не мог поведать об этом хозяину. Охотник тем временем что-то готовил на огне, соорудив из веточек-рогулек и пары брёвнышек подобие очага.

Затейник тут же принялся прыгать с ветки на ветку и церемонно расхаживать по толстым сучьям, издевательски кланяясь хабифальку, пританцовывая и всячески стараясь вывести из себя эту чудовищную помесь ястреба, кречета и беркута. Хабит медленно поворачивал голову вслед за корвусом, с презрением глядя на его прыжки и пляски, но не трогался с места. Видимо, он догадывался, что чёрный корвус задирает его неспроста, а от ястреба хищная тварь унаследовала сполна врождённую этим разбойникам подозрительность и осторожность.

Тем временем в дупле тихо, но отчаянно спорили два голубя. Один настаивал, другая противилась. И никто не хотел уступать, как это часто бывает не только с молодыми, но даже и с вечными юными существами.

Искусник пока лишь наблюдал за происходящим, укрывшись в густых ветвях. Но он тоже был встревожен, поскольку отлично понимал: время Тирда неумолимо истекает. Наконец Затейник бросил задира хабита, который, казалось, окончательно превратился в каменное изваяние, и подлетел к дуплу. Он был порядком расстроен.

– Я ничего не могу поделать, – шепнул он, делая вид, что чистит перья возле замаскированного отверстия в сосне. – Трижды я пытался увести его в чащу, но хабит не поддавался. Он что-то чувствует.

– Он просто запомнил. Нас всех, – покачала головой голубка. – Хотя...

Она глянула вдаль, в круглое оконце, туда, где уже окончательно властвовала ночь. Потом обернулась и смери-

ла Тирда новым, оценивающим взглядом.

– Не знаю, похудел ли наш добрый Тирд за эти два дня... Но в ночи все голуби похожи друг на друга. Верно?

– Я не понимаю, к чему ты клонишь, – грустно ответил Тирд.

Зато корвус отлично понял свою Госпожу. Он сверкнул чёрным глазом и решительно сказал, без всяких на этот раз придворных церемоний:

– Это невозможно, моя Госпожа. Никак невозможно.

– Почему? – улыбнулась голубка.

– Слишком опасно, – последовал ответ.

Тут только Тирд сообразил, что задумала голубка. Он задрожал всем телом от страха и гордости за них обоих одновременно. А потом, чуть заикаясь, пролепетал:

– Я не позволю тебе это сделать.

Голубка иронически глянула на Тирда и усмехнулась:

– Вот тебе раз! Это что же, выходит, я уже не хозяйка в собственном лесу?

Ворон почтительно склонил голову. А Тирд напротив – вскинул, гордо и независимо.

– Я знаю, что ты хочешь сказать, храбрый Тирд, – остановила его сизая голубка. – Но вспомни: не ты ли мне совсем недавно говорил о долге и о службе? И о том, что это – сильнее тебя?

Тирд опять хотел что-то сказать, но разом осёкся.

– Я уважаю твои чувства и понимаю тебя, – тихо сказала она. – И мне не грозит никакая опасность. Ведь со мною рядом – мои верные друзья.

И с благодарностью взглянула на ворона. Тот в ответ лишь молча поклонился.

– На самом деле это будет лишь слабая попытка помочь тебе, – заметила она. – Остальное – в твоих крыльях. Да будут они сильны и верны тебе, как и прежде. И я верю, – слышишь, Тирд – верю, что они не подведут тебя и на этот раз. Как выручали и в прошлом. Исполнишь веры, силы и надежды – и ты полетишь.

Она обернулась к ворону и сказала уже иным тоном – царственным, не терпящим возражений:

– Это моё решение. Иди к Затейнику, и будьте готовы. Я подам знак.

Когда ворон взлетел, голубка долго молчала. А потом сказала:

– Когда ты полетишь – а иначе и быть не должно, я в это верю! – помни, что мы постараемся увести ястреба как можно дальше. И сдерживать его будем все вместе, сколько хватит наших сил. Поэтому – лети и торопись! Но сказать я сейчас хочу не об этом.

Тирд поднял голову и встретился со светлым и лучистым взглядом, в котором сквозила нежность и добрая забота о нём, злополучном неумехе и пентюхе, умудрившемся угодить, кажется, в самую неприятную из всех историй, которая только может случиться с почтовым голубем.

– Я верю, что однажды ты, Тирд, вернёшься в наш лес. Ты пока ещё не знаешь себя, но помни: разлука укрепляет только добрые чувства. Память стирает всё плохое и будит радостные надежды. Я буду ждать, что ты вернёшься ко мне в самые скорые сроки. Прислушайся к себе, и ты тоже уверуешь в это.

Но времени подумать для единственно правильного ответа у Тирда уже не было. Голубка призывно глянула на него. Тирд собрался с духом и кивнул. И тогда голубка громко заворковала. В тот же миг два ворона сорвались с дерева и стремительно понеслись на ястреба, закрывая своими широкими черными крыльями врагу полнеба. А сизая голубка пулей вылетела из соснового убежища и стремглав понеслась в лес, в противоположную сторону от той, куда должен был держать путь королевский почтовый голубь.

Однако хабифальк только притворился невозмутимым и безразличным к вороновым фокусам. Он догадывался, что корvus неспроста устроил перед ним беззаботную свистопляску. И когда вороны понеслись прямо к нему над го-

ловою удивлённого охотника, его пернатый слуга был начеку. Увернувшись от хлопающих крыл и разинутых клювов, хабифальк в ту же минуту увидел вылетевшего из дупла голубя. Он сразу разгадал хитрость корvusов, мгновенно спланировал вниз, почти к самому снегу у подножий деревьев. А потом стрелою взмыл вверх и стремительно помчался вслед за удиравшим голубем. Мгновение-другое – и голубь вместе с наседавшим на него хабифальком исчезли в лесной чаще.

С отчаянным карканьем вороны повернули и полетели вслед. Но разве им было сравниться в полёте с такой птицей?! Ведь хабифальк унаследовал лучшие скоростные стати сокола и умение по-ястребиному ориентироваться меж деревьев и находить кратчайший путь, срезая углы и распутывая голубиные петли! Вороны тут же безнадежно отстали и теперь летели вдогонку тяжело, тревожно перекаркиваясь друг с другом и ища двумя парами суровых встревоженных глаз маленький силуэт меж тёмных деревьев, нависавших отовсюду как грозные стражи ночного леса.

Теперь настала очередь Тирда. Он прикрыл глаза, горячо вознося молитву всем известным ему птичьим богам и покровителям пернатых, которых немало в любом пантеоне. Затем выбрался из дупла и бесстрашно подпрыгнул вверх.

Человек, который искал почтового голубя, конечно же, не был простым охотником. Умный и опытный разведчик, он умел выжидать, наблюдать и делать выводы. Он сразу смекнул, что между лесным вороном и пропавшим голубем существует какая-то связь. И если собака или ястреб не могут ему внятно этого объяснить, то человек должен догадываться сам. Поэтому неожиданное нападение двух корvusов на его ястреба человека озадачило, но и только. Он видел, как из дупла стрелою вылетел голубь, и за ним помчалась его ловчая птица. Но что-то подсказывало охотнику, что возможно продолжение

и ещё не все герои рождавшейся на его глазах головокружительной драмы явили себя на сцене. И не ошибся.

Тирд взмахнул крыльями и, по своему обыкновению, дабы обрести лишнюю каплю уверенности в своих силах и крыльях, решительно кувыркнулся в воздухе. И в тот же миг правое крыло предательски изменило ему, неловко подогнувшись, точно Тирд задел на лету торчащую ветку. Голубь закричал от страха, чувствуя, как он стремительно заваливается набок и летит к земле.

Как знать, быть может, именно это несчастливое обстоятельство и спасло нашего доброго Тирда. Рядом с его крылом просвистела короткая оперённая стрела. Человек внизу вновь вскинул маленький лук. И следующая тонкая стрелка взмыла в воздух. Но на сей раз она прошла далеко от птицы, потому что Тирд падал. Темнота ночного снега стремительно неслась ему навстречу. В этот миг голубь забыл обо всём на свете. Но внезапно перед его гаснущим взором предстал давешний ворон, Искусник, который кричал ему что-то прямо в глаза, беззвучно разевая длинный острый клюв. И голубь вспомнил. Он раскинул крылья, планируя и стремясь замедлить скорость падения. И когда это ему удалось, Тирд собрал остаток сил и вновь кувыркнулся в воздухе, точно прыгнул в пустоту. Но теперь уже это был кувырок назад!

Ещё одна стрела с тонким зуденьем пронеслась мимо. Охотник с разинутым в изумлении ртом смотрел, что выделывала в воздухе эта безумная птица! А Тирд вновь взмахнул крыльями, и на этот раз они вняли, послушались его горячей мольбы, перевитой холодными волнами страха и отчаяния. Крылья некоторое время несли Тирда над снегом, совсем низко. И при этом отчаянно свистели! Как у какого-нибудь штатского городского сизаря, надутого от глупости и жирного от объедков, завсегдатая городских помоек и восседателя на каменных изображениях суровых людей и их грустных лошадей!

А затем крылья подняли Тирда, и он

полетел, с каждым мгновением набирая скорость. Потом голубь и совсем исчез между деревьями. А человек ещё долго стоял у костра, сжимая в побелевших пальцах бесполезный уже теперь лук с взведённой стрелой. Поражённый, он шептал про себя, одними губами, беззвучные и, значит, теперь уже бессильные проклятия.

Тирд летел всю ночь, лишь изредка опускаясь для отдыха на самые укромные ветви. Но теперь он старался облетать стороною сосны, поскольку за минувшие дни бедный голубь порядком устал от резких запахов сосновой смолы и шишек. Счастливо избежав губительных стрел, спасённый от хабифалька самоотверженной и верной голубкой, Тирд о многом передумал, прежде чем вдали забрезжили первые проблески рассвета. У него было отличное чувство направления, и к тому же раньше он дважды летал в этот край, раскинувшийся дремучими чащами и непроходимыми буреломами возле самого пограничья. Поэтому Тирд полностью отдался на волю ветра и силу крыльев, а сам мысленно, раз за разом, возвращался назад, в лес сизой голубки. Он вспоминал её слова, сокрушённо покачивал головой в такт мерным взмахам крыльев, понимая, какие глупости говорил ей порою в ответ, что молчал, когда нужно было говорить, и самонадеянно ораторствовал, когда следовало бы лишний раз не раскрывать клюва. И ещё он думал о том, что ждёт его впереди.

Тирд теперь вдруг с неожиданной ясностью понял, что помимо его службы, которой он прежде так гордился и всегда ставил превыше всего, оказывается, существует и совсем иная голубиная жизнь и судьба. Он никогда не задумывался о том, что у него может быть подруга, своё гнездо, птенцы. Интересно, сколько их будет, с интересом размышлял Тирд, и на сердце у него становилось теплее. Кровь быстрее бежала в жилах, крылья несли его вперёд. И всё чаще королевский почтовый

гонiec ловил себя на мысли, что он уже думает обо всём этом – милой подруге, гнезде, птенцах – как о почти сбывшемся, новом повороте в его жизни.

Ведь иначе я так и буду всю жизнь летать как угорелый, думал он, рассеянно поглядывая на леса, что тянулись внизу. Из одного конца королевства в другой, нося чужие письма и послания, не зная, к чему они, зачем и так ли уж важны. А потом он состарится, крылья уже не смогут держать его в небе так долго, как прежде, он начнёт путать маршруты, хозяев. Покуда однажды не потеряет бдительности и его не поймает какой-нибудь зоркий и быстрокрылый фальк. Или хитрый и могучий хабит. Или же задремлет на ветке, и его выследит куница. А то и просто свалится с небес и разобьётся о скалы или захлебнётся в реке. И о нём, верном крылатом служаке Тирде, больше никто и никогда не вспомнит. Даже король, чьи послания он так часто носил, рискуя жизнью и заглядывая в глаза смертельным ветрам.

Но самое главное – тогда в его жизни уж точно не будет ни подруги, ни гнезда, ни птенцов. А ведь он мог бы их многому научить, думал Тирд, подставляя натруженные крылья первым лучам белого, почти совсем не греющего зимнего солнца. А всего-то и нужно – сегодня же вечером в укромной темноте голубятни выбраться из ящика с проволочной сеткой, куда его поместят на отдых, найти лазейку и сбежать.

Тирд знал, как в случае чего выбраться из птичьей клетки. В своё время его научил этому хитрому искусству вожак стаи, мудрый Фирст. Нужно было только зацепить клювом крючок и откинуть его в сторону. Тогда одна сторона клетки будет свободной, и можно протиснуться между сеткой и стенкой соседнего ящика. Однажды Тирд для баловства уже проделывал этот фокус. Потом он, конечно же, поскорее вернул крючок обратно, потому что никогда не мыслил себе другой судьбы, кроме королевской службы, страшно гордился ею и не променял бы ни на какую иную

судьбу. Сейчас же голубь вспоминал, как это сделал, и в сердце крепла новая, прежде не знакомая ему уверенность, что всё в его судьбе ещё можно изменить. Потому что он жаждал вновь увидеть голубку.

Иногда он думал, что крепко виноват перед ней, поскольку не остался в лесу, а покинул её, пусть даже и по зову долга. Чем дальше он размышлял об этом, тем больше и скорее уравнивались воображаемые весы, на одной чаше которых покоилась его служба и вся предыдущая жизнь, на другой же – любовь и нежность к голубке. Теперь он даже не знал наверняка, что главное, но чувствовал, что это равновесие шатко и недолговечно. Он всё ещё гнал от себя мысль, что теперь совершает ошибку, сознательно предпочтя своё прошлое – надеждам на будущее, о котором он никогда не задумывался. Но он изо всех сил надеялся, что птичьи боги его простят и дадут ему ещё один, пусть даже и последний, шанс на любовь. Только завершить этот полёт, отдать то, что должно, и потом он всё наверстает, благо обратно его будут нести уже крылья любви. Ведь он не совершил ничего дурного, он просто выполняет свой долг, как и подобает настоящему голубю.

Так думал Тирд, успокаивая и оправдывая себя, в мыслях желая теперь совсем иного. Шагнуть ей навстречу, заглянуть в кроткие лучистые глаза, осторожно и бережно обнять крылом и тихо шепнуть: ну, вот я и вернулся. Эта воображаемая картина уже не раз предстала перед мысленным взором Тирда, пока он миновал туманные леса, за которым потянулась череда озёр. Он был уже на подлёте и внимательно оглядывал округу. Сердце его сладко замирало. За ночь Тирд иначе осмыслил свою жизнь, в которой прежде было только объяснимое прошлое и вполне предсказуемое настоящее. Теперь же он впервые думал, мечтал и верил в будущее. Крылатое будущее, в котором Тирд больше уже никогда не будет одиноким.

Мёртвые тела он увидел, когда уже совсем рассвело.

Едва оборвалась белая гладь озёрного льда, как взору испуганного голубя открылись десятки людских трупов, припорошённых снегом. Среди них встречались лошадиные туши и остовы сожжённых телег, и оглобли огромных обозных фур. Более всего Тирда привели в ужас дымы, которые ещё курились над кучами угольев и пепла. Голубь почти физически чувствовал тепло, медленно уходящее с поля битвы, точно из умершего и остывающего тела. И чем дальше, тем больше было убитых людей и коней – многие сотни поверженных, бездыханных, расплётённых на земле, сплетённых меж собой и застывших навеки. Сверху Тирду были видны места, где бой был наиболее яростным и ожесточённым: точно вскипевшие буруны стремительной воды замерли и замёрзли то тут то там; схлестнувшиеся валы воинов в чёрно-зелёном и тёмно-синем, разбившиеся друг о друга... И сам Тирд летел над страшным мёртвым полем недавней битвы, словно маленький осколок живого льда, брошенного в небо невесть чьей могущественной рукой, теперь уже непонятно – в кого и зачем.

Все недавние страхи Тирда разом вернулись.

Он мерно взмахивал омертвелыми крыльями, сердечко камушком билось в груди, и холод сковал клюв, не позволяя издать даже горестный стон. Но шли минуты, и впереди показались палатки и шатры. Вокруг возле разожжённых костров медленно двигались и вяло хлопотали люди, готовили пищу, чистили оружие, беседовали или просто молчали. Это был лагерь победителей.

Голубь с надеждой оглядывал их, но пока не видел знакомых цветов. И вдруг впереди мелькнул высокий шест с безвольно повисшим флажком. Это был условный знак для него, почтового голубя. Место, куда он должен был прилететь. И у входа в шатёр стоял знакомый Тирду человек – низенький лысый муж-

чина с засученными рукавами серой от постоянных стирок рубахи и в своём вечном кожаном фартуке, скрывавшем весьма объёмный животик. Этот человек уже дважды встречал Тирда в этой палатке и угощал нежнейшим распаренным зерном и специально подогретой родниковой водой, слаще которой Тирду не приходилось пробовать нигде, даже в столице. Лысый в фартуке озабоченно оглядывал сваленную возле шатра кучу одеял, лошадиных попон и грязных ковров. И он совсем не смотрел в небо. Потому что здесь Тирда уже не ждали.

Голубь собрал остаток сил и плавно спланировал на серый, угольный снег перед шатром. И когда лысый обернулся, Тирд громко и важно заворковал – королевский посланец вернулся.

– К вам Магнус, ваша милость, – поклонился крепкий мужчина в маленьком круглом панцире, надетом поверх овчинного полушубка.

– Что он хочет? – осведомился высокий чернобородый мужчина в длинном тёплом плаще и тяжёлых кавалерийских сапогах. Он быстро писал щёгольским белоснежным пером за раскладным столом, хитроумно собранным из крышек от ящиков полковой маркитантской службы.

– Господин Магнус твердит, что дело не терпит отлагательства, но откроет его лишь вам, – пожал плечами мужчина.

– Ну что ж, пусть войдёт, коли так срочно, – кивнул бородач и с неудовольствием глянул на письмо, которое теперь предстояло отложить.

Человек в кожаном фартуке вошёл в шатёр и бросился к бородачу. Он всплеснул руками и закричал неожиданно тонким, почти бабьим голосом:

– Невероятное дело, ваша милость, мастер Гюнтер!

– А что такое? – осведомился бородач, в голосе которого всё ещё сквозили недовольные нотки.

– Голубь прилетел, – в глубочайшем возбуждении воскликнул человек

в фартуке и тут же, словно спохватившись, прикрыл ладонью рот. И это тоже было не совсем мужское движение.

– Какой голубь? – не понял бородач.

– Тот самый, – уже тише пробормотал человек в фартуке. – Один из трёх, известных вам. Относительно которых было личное и строжайше секретное распоряжение вашей милости.

– Прилетел? – нахмурился бородач. – Но ведь это невозможно!

– И тем не менее это так, – развёл руками его помощник

Казалось, ни тот, ни другой не были рады тому, что сегодня откуда-то прилетел какой-то там секретный голубь. Во всяком случае взгляд мастера Гюнтера, обращённый на подручного, добрым назвать было никак нельзя.

– И что он принёс? – наконец спросил бородач.

– Что и должен был, – ответил человек в фартуке. – Ложное письмо.

И вновь наступило напряжённое молчание. Бородач, казалось, был потрясён.

– А остальные птицы? – обжёг он подчинённого раскалённым взглядом.

– Как мы и думали. Ни одна из двух других не вернулась. Можно с абсолютной уверенностью утверждать, они попали в руки людей герцога Иоганна. Те их действительно ждали по всей границе Корнельского леса, ловчие и егеря. В полном соответствии с вашими предположениями...

– А этот, значит, долетел?

– Долетел, – вздохнул человек в фартуке. – По сути, если быть до конца точным, он опоздал всего на четыре часа.

– Невероятно, – прошептал бородач. – Марк, но ведь это просто невероятно...

– Все ваши указания были исполнены самым наистрожайшим образом, – торопливо забормотал обладатель бабьего голоса Марк. – В королевской ставке наши люди ввели в корм трём почтовым птицам перед их отправкой

специальные добавки, в воду – нужные травы. Он просто не мог долететь. Физически...

– Да, – кивнул бородач. – Очевидно, не мог.

Он встал из-за стола, прошёлся по шатру и остановился напротив крохотного окошечка, слишком малого, чтобы пропускать сюда яркий свет.

– А если бы долетели и другие? – задумчиво спросил он, словно обращался к самому себе.

– Ошибки быть не могло. То, что этот голубь не попал к ним в руки – просто чудо, мастер Гюнтер. И, кроме того, на самый исключительный и невероятный случай, вроде этого голубя, был ещё Рикк.

– Ах, да... – прошептал бородач. – Рикк...

– Смеею вас уверить, мастер, – поспешно заговорил Марк, – бедняга Рикк отдался им в руки просто мастерски. У противника и мысли не могло возникнуть, что он выдаст им ложную информацию о дне нашего наступления. Я не первый год в секретной службе, и его легенду мы сочиняли тщательно как никогда.

– Где теперь Рикк? Его нашли? – тихо спросил бородач.

Марк молча покачал головой. И бородач понял его, даром что стоял к подчинённому спиной. Ведь он тоже был не первый год в секретной службе.

– Они действительно не были готовы, что мы ударим на день раньше, – убеждённо пробормотал мастер Гюнтер. – В воскресенье, а не в понедельник.

– Иначе мы бы тут с вами, быть может, уже и не стояли, – вздохнул Марк.

– Ты прав, – ответил бородач. – Как и всегда, Марк.

– Ваша милость, – почтительно поклонил голову человек в фартуке.

– Вот ведь удивительная вещь – война, – мрачно проговорил мастер Гюнтер. – Кто бы сказал, что подчас её можно выиграть посредством лишь од-

ного ложного слова, двух отравленных почтовых голубей и одного шпиона, нарочно отдавшегося в руки врага.

– Рикк спас всех нас, – сдавленно пробормотал Марк.

– Вместе с парой птиц, – как ложное эхо откликнулся мастер Гюнтер. – И знаешь, Марк, будь моя воля, я бы поставил этим двум несчастным голубям памятник. Их мы тоже толкнули в чужую сеть. Как и славного Рикка.

– Голуби – всего лишь птицы, – философски заключил Марк. – Они летят от одной знакомой кормушки к другой. Увы, это так. А Рикк пошёл на смерть сам. У него ведь всю семью...

– Да... Помню, – сказал бородач. – Рикку следовало бы вручить орден, но только кому его теперь передашь? У шпионов очень редко бывают близкие люди... – Он некоторое время размышлял, после чего развёл руками. – Может, отдать этот орден тебе, Марк?

– Благодарю вас, мастер Гюнтер, – грустно улыбнулся Марк. – Но вы ведь сами знаете: моё сословие не даёт права на получение ордена. Даже за... исключительные заслуги перед короной.

– Ладно... Ступай, мой добрый Марк, – махнул рукой бородач. – Однажды мы вернёмся к этому разговору, обещаю тебе.

– Благодарю вашу милость, – поклонился человек в фартуке и пошёл прочь. Но у самых брезентовых створок на выходе из палатки обернулся и робко спросил: – Прошу ещё раз прощения, ваша милость. А что же прикажете теперь делать с Тирдом?

– С кем? – удивился бородач.

– С тем голубем. Который прилетел к нам сегодня...

– Гм... А что с ним вообще нужно делать? – непонимающе переспросил мастер Гюнтер.

– Ну, в общем-то, птице, конечно, следует сначала хорошенечко отдохнуть... – пожал плечами Марк. – А затем – может, отправить его обратно, в столицу? Теперь уже – с верным пись-

мом, о нашей великой и заслуженной победе над коварным и хитрым врагом? Птица-то, по всему виду, отчаянная. Думаю, наш голубок хлебнул немало лиха, пока долетел сюда. И ведь не знала его птичья голова, что несёт фальшивое письмо и что свои же, хозяйева, его, по сути, и предали.

– Что значит жизнь одного голубя в сравнении с тысячами людей? – задумчиво сказал бородач. А затем поднял воспалённые, припухшие от бессонницы глаза под тяжёлыми веками и... неожиданно улыбнулся.

– А знаешь что, мой добрый Марк? Иногда мне кажется, что на войне побеждают всё-таки именно те, кто способен превозмочь себя и свершить невозможное. И не только такие, как бедняга Рикк, но и как этот голубь... как там, бишь его?

– Тирд, – улыбнулся человек в фартуке.

– Да. Тирд. Простой голубь. Тот, который долетел, – кивнул бородач и усмехнулся. – Пусть даже никому, на первый взгляд, это теперь и не нужно.

Он задумался на миг, а затем приказал:

– Этого голубя больше с почтой не отправлять. Он проявил героизм и храбрость, не хуже истинного солдата, доставляя секретное письмо. Нам нужно больше таких птиц в Королевской почтовой Службе – сильных, упрямых, самоотверженных. Полагаю, что этот голубь даст хорошее потомство.

Магнус кивнул, осторожно улыбаясь.

– Поэтому ты сейчас же пойдёшь, мой добрый Марк, и переселишь этого голубя отдельно от всех остальных курьерских птиц. В хорошую, крепкую клетку, обитую мягкой тканью. Питание и содержание этого... Тирда... должно быть самым наилучшим. По возвращении войска в столицу приказываю поместить голубя в специальную закрытую вольеру и употреблять исключительно для улучшения породы. Всех

его потомков в будущем использовать на самых важных и ответственных почтовых маршрутах. Можешь исполнять.

– Слушаюсь, ваша милость, – улыбнулся Марк и торопливо вышел из палатки. Приказы начальника он привык исполнять немедленно.

Тирд не слышал, как его вынули из общего вольера, бесцеремонно распулав и разогнав при этом прочих голубей. Он не чувствовал, как его несут куда-то, не заметил скрипа снега под тяжёлыми коваными сапогами. Не ощутил, когда его положили на мягкую подстилку в другую клетку – с крепкими запорами, обитую по углам упругим плюшем, светлую и просторную. После этого клетку накрыли куском плотной ткани, чтобы этот измученный дальней и трудной до-

рогой голубь спокойно спал, выздоравливал и набирался сил.

Всего этого Тирд не слышал, не чувствовал и не понимал. Он крепко спал, и ему снился радостный, прекрасный сон. В этом сне он словно наяву летел на крепких и сильных, замечательно отдохнувших крыльях в тёмный зимний лес. Туда, где сосны побелены инеем, снежные сугробы даруют тепло и спасение и полно пищи для голубей. Ведь некоторые голуби, оказывается, больше всего на свете любят еловые и сосновые семечки. И пусть даже вкупе с хвойной смолой.

Именно так, наверное, и должна пахнуть настоящая, истинная свобода – хвоей и ветром. А иначе, если не поторопишь сердце и крылья, твоя голубка будет очень беспокоиться.

